

Когда человек тебе дорог, ты никогда не догадываешься, насколько он может быть силен, — перед глазами лишь его уязвимость.

— Ты же говорил, что не пострадаешь? — голос Хилы звучал глухо. На лице по-прежнему не дрогнул ни один мускул, но в воздухе повисло тяжелое предчувствие бури.

— ...Всего лишь небольшая ошибка в расчетах, — Тан Юань почувствовал необъяснимую неловкость.

— Вот как? — Хила впился в него глубоким взглядом. Два слова, брошенные, казалось бы, вскользь, обрушились на Тан Юаня колоссальным давлением.

— Конечно. Видишь, это просто царапина, — Тан Юань распахнул окровавленные полы одежды, без тени смущения демонстрируя рану. С того самого момента, как сероволосый ассасин нанес удар, он использовал силу Бездны, чтобы создать вокруг тела иллюзию. Хотя Бездна, с ее разрушительной и грубой природой, была плохим инструментом для тонких иллюзий, обмануть двух приспешников, которые и так были деморализованы тяжелым ранением своего короля, вполне удалось. Единственное, о чем стоило пожалеть — ради убедительности и профессионализма он отступил чуть позже, чем следовало, и немного порезал кожу. Иначе говоря: не ищи смерти — не найдешь.

Хила смотрел на небольшой разрез на груди Тан Юаня. Тонкая струйка алой крови медленно стекала по его белоснежной коже — контраст красного и белого, яркий и волнующий, завораживал.

Даже такая малость была для него невыносима. Оказалось, что кровь Тан Юаня обжигает сильнее, чем его слезы, заставляя грудь Хилы вновь пылать в мучительном жаре.

Он склонился, кончиком языка раз за разом, с упорством и нежностью, слизывая кровь с его груди, пока кожа не стала чистой.

Тан Юань замер, глядя, как из бледных, вечно сжатых губ, источавших холодную отстраненность, показался нежный розовый язык. Хила облизывал его, словно зверь. Тан Юань опешил и попытался отстраниться.

Однако руки Хилы крепко сжали его талию. Не поднимая головы, он глухо объяснил:

— Моя слюна обладает целебными свойствами. Атрибут ангела — священный свет, он по своей природе несет исцеление, вопрос лишь в силе воздействия. Я не могу закрыть глубокие раны, но с такими мелкими справлюсь.

Тан Юань перестал сопротивляться. Сверху вниз он наблюдал за Хилой, который, склонившись над ним в позе почти что поклонения королю, бережно вылизывал рану. Это рождало странное, будоражащее чувство. Тан Юань беззащитно подставил свою изящную шею, а

серебристые волосы ангела рассыпались по его телу, обдавая прохладой.

Словно поддавшись дьявольскому искушению, пальцы Тан Юаня мягко легли на волосы Хилы, а затем, дюйм за дюймом, поползли вверх, к конечной цели — нежной, белоснежной, тонкой шее.

Чудесное ощущение...

Словно в руках оказалась вся слабость этого ангела.

Отныне бабочка заперта в паутине, и ей не выбраться, пока смерть не разлучит их...

— Что такое? — Хила почувствовал прикосновение к шее, поднял голову и вопросительно посмотрел на него.

Тан Юань взглянул на его губы, еще не успевшие обсохнуть от крови, и легко улыбнулся:

— Ничего, просто немного больно.

— Потерпи, — нахмурившись, прошептал Хила и замедлил движения, стараясь быть еще осторожнее.

Тан Юань отрешенно смотрел куда-то вдаль, погружившись в свои мысли.

Спустя долгое время, когда он уже витал в облаках, грудь внезапно пронзила острая боль. Вернувшись в реальность, он обнаружил, что нежный сосок подвергся жестокому обращению со стороны ангела: на коже отпечатался четкий след от зубов. Довольно аккуратный, надо сказать. Его что, только что соблазнили? Роли поменялись так стремительно, что Тан Юань не успел сообразить, как реагировать.

— Это наказание, — невозмутимо пояснил Хила.

— ... — Ангелы — лицемерные создания, вот уж точно. Мелочные. Тан Юань закатил глаза, но тут же обвил руками шею Хилы и, ни капли не затаив обиды, проговорил: — У меня так болит грудь, ты должен нести меня на руках.

— ... — Хила молча смотрел на него, не двигаясь с места. Он не понимал, какая связь между болью в груди и невозможностью ходить, тем более что там даже раны не осталось, что вообще может болеть?

— Ой-ой-ой, грудь так болит, сердце вот-вот разорвется... — Тан Юань решил продолжить свой опасный спектакль, прижав руку к груди, как героиня старинных драм.

— ...Ты сейчас пытаешься быть милым? — после долгого молчания озадаченно спросил Хила.

— Да, а ты против? — Тан Юань разозлился, видя, что Хила никак не реагирует. Обычно в такие моменты он уже давно должен был согласиться на все требования.

— ...Нет, — Хила помолчал, а затем с обреченным видом поправил одежду на человеке, который так бесстыдно на нем повис, и, как того и требовали, поднял его на руки.

Что он мог сказать? Что Тан Юань совершенно не умеет быть милым в привычном понимании? Когда он принимал эту позу, белоснежная грудь обнажалась, а две розовые точки, едва скрытые тканью, в полной мере передавали то, что называется соблазном. Добавить к этому слегка нахмуренные от «боли» брови — это могло вызвать у окружающих лишь желание причинить ему еще больше страданий.

— Впредь не смей вести себя так перед другими, — строго предупредил Хила.

— Но ведь ты всегда рядом со мной, — Тан Юань небрежно отмахнулся.

— Не смей, — Хила помрачнел, отрезав всего двумя словами.

— Если закроешь меня крыльями, никто ничего не увидит, — обиженно пробормотал Тан Юань.

— ...Нет, — Хила остался непреклонен.

Он не хотел, чтобы кто-то еще видел его таким. Потому что такой Тан Юань принадлежит только ему одному. Это чувство, которое Рафаил называл собственничеством, было на удивление приятным.

В этом мире нечто подобное считается величайшим сокровищем, бесценным даром, за которым охотятся тысячи. Но если это сокровище скрывает свой блеск от всех остальных и сияет лишь для тебя одного, не позволяя другим ни смотреть, ни прикоснуться — оно навсегда останется твоим, и никто не сможет его отнять. Это ощущение было восхитительным.

...

Кровь хлынула из раны, пропитав большую часть мантии. Пальцы начали дрожать, голова раскалывалась от невыносимой боли, по лбу катились крупные капли холодного пота. Даже без зеркала он знал, что сейчас бледен, как привидение. Посох в руке почти не держался, готовый в любую секунду выскользнуть, а сам он вот-вот должен был провалиться в обморок и стать добычей для этих магических волков.

Но... нельзя. В его глазах вспыхнула глубокая нежность. Он молча смотрел на рыцаря, который, будучи не в силах пошевелиться, был защищен лишь магическим барьером, созданным ценой большей части его сил. Он не хотел умирать, ведь если его магия иссякнет,

тот человек тоже погибнет...

Он не хотел, чтобы тот умер. У него ведь впереди еще столько целей, он ведь такой выдающийся, как он может погибнуть здесь...

Это наверняка опозорило бы его рыцарскую честь...

В тот самый миг, когда сознание начало ускользать, он издал отчаянный крик:

— Кто-нибудь, спасите его! Я отдам вам всё, даже свою душу!

<http://bllate.org/book/18897/1847439>